

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУП ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР

(доклады и сообщения)

январь 1982 г.

Часть 1

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1983

ность к курдскому этносу означала и принадлежность к кочевому скотоводческому укладу? Представляется, что это объяснимо большой мобильностью кочевых племен и тем обстоятельством, что до конца XIX столетия именно в них концентрировался военный потенциал курдов. Пока во второй половине XIX в. с политической сцены не сошли курдские княжеские дома, кочевые племена составляли основную часть военных ополчений и дружин курдских феодалов, о чем свидетельствуют все арделанские хроники. Именно с кочевниками приходилось соседям курдов сражаться на поле брани и не единожды от них терпеть поражения. Возможно, именно обраставшие легендами рассказы об этих баталиях и породили у соседних с курдами народов представление об однозначности принадлежности к курдскому этносу и к укладу скотоводов кочевников.

-
1. C.J.Edmonds, Kurds Turks and Arabs. Politics, travel and research in North-Eastern Iraq 1919-1925. L., 1957, p.147.
 2. M.Rowton, Enclosed nomadism. - Journal of the Economic and Social History of Orient, vol.XVII, part. I; см. также серию статей М.Раутона, посвященных проблемам номуадизма.
 3. M.M.Van Bruinessen, Agha, Shaikh and State. On the social and political organization of Kurdistan, /б.г./, p.24.
 4. M.Rowton, Authonomy and Nomadism in Western Asia. - Orientalia, v.42, Fasc. 1-2, 1973, p.251.
 5. T.M.Lycklama, Voyage en Russie, au Caucase et en Perse dans la Mésopotamie, le Kurdistan, la Syrie, la Palestine et la Turquie..., t.IV, P., 1875, p.64; R.Ker Porter, Travels in Georgia, Persia, Armenia, ancient Babylonia etc. during the years 1817, 1818, 1819 and 1820. V. II, L., 1822, p.564-565.
 6. Cl.J.Rich, Narrative of a residence in Koordistan and on the site of ancient Nineveh, with journal of a voyage ... V. I, L., 1836, p.80,89; Bruinessen, p.135.
 7. Rich, p.177.
 8. Edmonds, p.139-156.

К.В.Васильев

ЗАВИСИМЫЕ И РАБЫ В ПЕРИОД ЧУНЫЦЮ

Наряду с категориями крестьян, которые были обязаны государству или местному владельцу уплатой налога, различных сборов и

несением фиксированных повинностей, в древнем Китае в III-V вв. до н.э. были известны земледельцы, чьим трудом их патроны могли распоряжаться по собственному усмотрению. О таком неполноправном работнике вскользь упомянуто в одном из исторических рассказов "Повествований о царствах": "Это напоминает земледельца - ли 李秉. Пусть он получит хорошее поле и будет прилежно обрабатывать его, но прокормить себя не сможет, ведь он все делает для других" (УИ, 2) /I, с.92/. Обычно в этом работнике видят раба. Вообще у исследователей сложилось убеждение, что термин ли, появившийся впервые в таких памятниках древнекитайской исторической прозы, как "Цзо чжуань" и "Повествования о царствах", относится к рабам. В качестве наиболее веского аргумента сторонники такой трактовки обычно используют то обстоятельство, что в одном из текстов "Цзо чжуань" группа людей, в обозначение которых входил иероглиф ли, было обещано "освобождение". Но в период Чуньцю это слово не было техническим названием юридических актов освобождения рабов. Оно могло означать освобождение от любых форм зависимости, от налогов, от трудовой повинности и т.д. К тому же характер деятельности этих людей и основные черты их социального положения неизвестны, поэтому вряд ли можно с категоричностью утверждать, что зависимость, от которой их обещали освободить, была рабской. Действительно, в ряде известий, где упоминаются люди, относившиеся к категории ли, контекст указывает на то, что этот термин означал не раба, но употреблялся в более широком значении: "обязанный", "зависимый", "подданный". Использование термина ли часто было связано с "подданством" какому-либо клану. Так, согласно "Цзо чжуань", Бао Го (или Бао Вань-цзы), один из государственных деятелей царства Ци конца VII в. до н.э., однажды сказал о себе: "Я был некогда ли у [луского] клана Ши. (Цзо чжуань, 9-й год Дин-гуна) /2, с.77I/. В другом месте памятника есть разъяснение этих слов. Оказывается, Бао Го некогда покинул свой клан и страну, чтобы "стать подданным чэнь 臣 у [луского] Ши Сяо-цзу" (Цзо чжуань, 17-й год Чэн-гуна) /2, с.40I/. В роли доверенного слуги главы луского клана Ши он быстро выдвинулся и стал обладателем поселения в сто дворов. Некоторое время спустя, по приглашению своих соотечественников он возвратился на родину и занял официальный пост.

То обстоятельство, что Бао Го в одном месте "Цзо чжуань" выступает как ли клана Ши, а в другом - как его чэнь, указывает на известную однозначность обоих терминов. Кроме того, контекст источника уточняет, что термин ли, наряду с термином чэнь, мог

обозначать привилегированного представителя челяди знатного клана, вовсе не являющегося рабом его. Генезис одной из форм зависимости, обозначавшейся термином ли, достаточно четко раскрывается в словах героя одного из рассказов "Повествований о царствах": "Я слышал, что для того, кто в течение трех поколений служит одному семейству, глава его становится господином, а тот, кто в следующем поколении остается под чьим-либо покровительством, считает покровителя своим хозяином. Ведь твой ясный приказ сводится к тому, чтобы служить господину, не щадя жизни, служить хозяину с усердием. С тех пор, как мои предки, не имея поддержки от царства Цзинь, стали наследственными ли клана Луань и до нынешнего времени прошло три поколения. Поэтому я не могу не считать Луаня господином..." (XIV, 2) /I, с. 162-163/.

В данном случае примитивные отношения господства и подчинения, определявшие статус "наследственных ли", являются результатом того, что некоторые категории лиц в древнекитайском обществе периода Чуньцзю были вынуждены искать себе покровительство и защиту в вышеприведенном тексте, указывает на то, что эти отношения, выраставшие из простого соглашения сторон, на протяжении жизни двух-трех поколений вызвали постепенное нарастание обязательств семейства, принявшего чье-либо покровительство. Отмеченные здесь особенности статуса "наследственных ли", несомненно, ассоциируются с клиентелой, а не с рабством. Древнекитайские авторы охватывали термином ли как подневольного земледельца, обязанного работать на чужом поле, так и привилегированного слугу клана, управлявшего всем его хозяйством. В сословии ли, среди представителей которого наблюдались большие имущественные и социальные различия, объединялись люди, утратившие по тем или иным причинам статус, гарантировавший личную свободу и вынужденные принимать на себя тяготы зависимости от иных лиц. В данных восточночжоуских источников о положении той или иной категории ли можно уловить отдельные черты, напоминающие рабство, но нет ни одного текста, в котором бы о них говорилось как о полной собственности их патронов. Следует отметить, что такими патронами могли быть не только кланы или частные лица, но и административные органы царств. Зависимость от государства людей, попавших в число ли, оформлялась в специальных документах, хранившихся у соответствующих чиновников.

Известен рассказ о том, как ли, находившийся в ведении Фань Сюань-цзы, главы администрации царства Цзинь, добивался освобождения: "Некогда Фэй Бао принадлежал к числу ли. Это было засви-

детельствовано в документе, написанном киноварью. А у клана Луань был силач по имени Ду Жун. Фэй Бао сказал Сянь-цзы: "Если сожжешь документ, написанный киноварью,¹ я убью Ду Жун". (Цзо-чжуань, 23-й год Сян-гуна) /2, с.497/. По-видимому, переводу в разряд государственных ли подлежали преступники, осужденные за те или иные правонарушения.

В формализованном административном руководстве "Чжоу ли" термином ли обозначали как особые группы осужденных, так и военнопленных, происходивших из районов обитания "четырех варварских народов", которые были обязаны провести несколько лет на подневольных работах в пользу администрации одного из древнекитайских царств, а затем получали свободу. Наряду с сословием зависимых людей — ли в древнекитайском обществе периода Чуньцю имелись слои подневольных работников, которые согласно сведениям восточножюуских текстов были лишены почти всех прав и какого-либо имущества. К их числу относились, по-видимому, те, кого за преступления по распоряжению административных органов разных царств переводили в разряд ну 奴. Упоминание о том, что этот социальный термин, впоследствии ставший стандартным обозначением рабского состояния, был известен уже в VI в. до н.э. имеется в "Люй ши чуньцю"; Яньшэ Ху, младший брат Шу Сяна, был в хороших отношениях с Луань Инном. Тот провинился перед царством Цзинь. Цзиньцы наказали Яньшэ Ху, а Шу Сян был превращен в ну (XXI, I).

Одной из самых низших категорий контролируемых царской администрацией людей были пу 僕 — "прислужники". В этот социальный разряд переводили не только тех, кто совершил преступление, но и определенные группы населения завоеванных территорий. На это указывают данные царственной грамоты, сохранившейся на колоколе "Цу и чжун", который был изготовлен в царстве Ци в сер. VI в. до н.э. Эта форма зависимости в период Чуньцю была известна не только в государственном, но и в частнопроводном варианте. По свидетельству одного из текстов "Янь-цзы чуньцю" превращение в пу могло произойти в результате добровольного заклада личности: Янь-цзы спросил (у слуги): "Как ты стал пу?" Тот ответил: "Пришлось испытать мне холод и голод, вот и стал я пу". Янь-цзы спросил: "На какой срок ты стал пу?". Тот ответил: "На три года". Янь-цзы спро-

* Комментаторы "Цзо чжуань" неоднократно высказывали вполне правдоподобные предположения, что в истории с Фэй Бао сочетание иероглифов "дань шу" "документ, написанный киноварью" представляет собой позднейшее искажение графически однотипного ему термина син шу, т.е. "документ о наказании".

сил: "Можно ли тебя выкупить?" Тот ответил: "Можно". (У.24). Следовательно, эта категория включала в себя свободнорожденных, которые для погашения долга, или за жалование, или же еще на каких-либо условиях принимали на себя временно обязанности подневольных людей.

В случае с ну и в случае с пу мы несомненно имеем дело с рабской формой эксплуатации, независимо от того, государственный или частноправовой вид она принимала.

В период Чунцзю власти разных царств играли весьма активную роль в создании и поддержке различных юридических категорий зависимости и подчинения, определявших, где и как должны были трудиться подневольные работники, принадлежавшие к данным категориям. Государство практиковало создание целых поселений зависимых людей с помощью переселения в необжитые районы жителей аннексированных территорий или подчинившихся мелких владений: "Тогда Чуский ван восстановил [ранее присоединенное к Чу] владение Чэнь в его прежних пределах, но из каждого сельского округа взяли по одному человеку. Их переселили в [Чу], в область, которую стали называть Сячжоу". (Цзо чжуань, II-й год Сюань-гуна) /2, с.309/. Согласно данным "Цзо чжуань" администрация южнокитайских царств могла использовать для заселения пустых земель также и военнопленных: "[Чуский правитель] въехал в [захваченную штурмом столицу владения] Чжэн через священные ворота и проследовал по главной дороге, где ему навстречу вышел чжэнский правитель, который был обнажен и вел овец. Он сказал: "...Подчинюсь приказу, если ты, взяв нас в плен, [пошлешь] на юг от Янцзы для заселения морского побережья". (Цзо чжуань, 12-й год Сюань-гуна) /2, с.311/. Заменяя рабство, бывшее обычным следствием плена в большинстве стран древнего мира, переселением в особые области, предназначавшиеся для сельскохозяйственного освоения, власти царства Чу, очевидно, должны были вносить серьезные ограничения в право и дееспособность переселенных.

Относительно людей, переведенных государственным актом в разряд ди или принявших на себя обязанности ди, известно, что их труд мог применяться при обработке земель, полученных, по-видимому, в результате захвата пустопорожных участков, займки и расчистки. Труд неполноправных (например, таких как пу) продолжали широко использовать и в сфере домашнего хозяйства и домашнего обслуживания. В свете тех разоблаченных известий письменных источников, которыми располагает сейчас наука, отношения зависимости и подчиненности кажутся весьма распространенными. Однако, подобные дан-

ные не дают возможности выяснить с достаточной определенностью "удельный вес" этих отношений в производительной деятельности общества периода Чуньцзу.

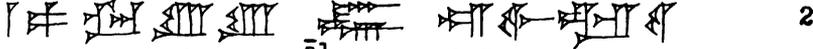
1. Го мй. - "Госде цзибэнь пуншу". Шанхай, 1958.
2. Цзо чжуань. - J. Legge. The Chinese Classics. Vol. 5. The Ch'un Ts'ew, with the Tso chuan. L., 1872.

А. И. Вассоевич

ОСНОВНЫЕ ВЕКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ ПЕ-КРУРА

Нет сомнения в том, что для всестороннего изучения политической истории важно знать биографии политических деятелей. Однако специфический характер древневосточных текстов далеко не всегда предоставляет исследователям такую возможность. Тем большего внимания заслуживают некоторые египетские и ассирийские источники, позволяющие при их сопоставлении установить основные веки политической судьбы правителя города Пи-Сопта - Пе-крура, жившего во времена XXV царского дома.*

Если говорить о египетских текстах, то имя Пе-крура встречается на "Стеле сна": гр^c.t h'.tj-^c n Pr-Spd.w P'-qrr "Повелитель, князь Пе-Сопта Пе-крур". Его имя мы встречаем и в ассирийской клинописи: в гекоте призма Рассама, также как и на "Стеле сна" Пе-крур упомянут как правитель Пи-Сопта (призма Рассама, I, 93):

 2
 Pa-aq-gu-gu šar(LUGAL) āl-Pi-šar-tú "Па-круру царь Пи-шапта".
 Кроме того, Пе-крур упомянут на глиняной таблице с частями анналов.³

Все перечисленные источники хорошо известны специалистам. В египтологических исследованиях имя правителя Пи-Сопта упоминается в связи с изложением политической истории Египта времени XXV царского дома. Но специально биографией Пе-крура не занимались. Между тем автор исследования об эфиопах и ассирийцах в Египте Х. фон Цайсль без должных оснований причисляла Пе-крура к вождям "нацио-

* Автор выражает глубокую признательность Ю.Я. Перепелкину за ряд ценных замечаний по тексту статьи.